

Безмятежный Рудин и чисто английский Норрингтон.

Фото Матвея Сысоева (НГ-фото)

Мистер Кондуктор

Один концерт в Москве дал знаменитый английский дирижер

Роджер Норрингтон

Независимая - 2002 - 26 нояб. - с. 8.

Варвара Турова

О б этом концерте хочется говорить так, как англичане говорят о погоде и здоровье. Тихо, внимательно, вежливо и долго.

Норрингтон заставил струнников играть без вибрации. На первый взгляд может показаться, что так легче. На самом деле наоборот. Вся выразительность — краска, тембр — ложится на правую руку, на смычок.

В 1962 году сэр Роджер Норрингтон основал Шютц Хор, положив начало 30-летнему исследованию исторической исполнительской практики. Вот что дирижер говорит об аутентизме в музыке Шумана и Мендельсона, композиторов, произведения которых играли на московском концерте: «Одна из удивительных особенностей раннего стиля Мендельсона и Шумана заключается в потрясающей естественности, с какой романтики продолжают классическую традицию Гайдна и Моцарта.

При всем интересе к vibrato мировые оркестры вплоть до середины XX столетия играли без него. Это не значит, что звучание без вибрации менее красиво: оно прекрасно, но по-своему. Просто нужно воспринимать его как исполнение чистым звуком. Игра чистым звуком — это вызов для будущего современных оркестров всего мира».

В любом случае московские музыканты так играть не привыкли. Порой можно было заметить, что кое-кто из оркестрантов, увлекшись музыкальным материалом, забыл об аутентизме и играет в абсолютно романтической (в общем-то современной) манере. Впрочем, это скорее было исключением, не особенно отразившимся на общем звучании. А звучание это было крайне интересным. В увертюре Мендельсона «Морская тишь и счастливое плавание» отсутствие вибрации стало помимо стилевой особенности еще и замечательным средством выразительности. Скрипки, лишенные привычной тре-

петности, стали домашними и уютными. Звук — прямым, гладким, без принятого в романтике подтекста. Образ — выверенным до конца. Понятным и видимым. Именно такой бывает морская тишь. Причем где-нибудь на мелком — Балтийском — море. Ничего поразительного. Просто приятная, прозрачная, теплая водичка. Надо заметить, что Норрингтон вместе с музыкантами оркестра Musica Viva, игравшего в тот вечер в расширенном составе, добился этого чудесного образа не только одним лишь отсутствием vibrato. Дело сделали его точный, крайне лаконичный жест, стиливая точность самой высокой пробы. Каждая мелочь, пустяк, все доводится Норрингтоном до совершенства. И среди безумного количества частностей и крошечных деталей вдруг начинаешь видеть огромное, мастерски сделанное целое. Пожалуй, забегая вперед, можно сказать, что увертюра стала самым удачным номером концерта. Исполнявшийся дальше Виолончель-

ный концерт Шумана с солирующим хуруком оркестра Musica viva Александром Рудиным, пожалуй, получился несколько более безмятежным, чем предполагает сама, по-настоящему романтическая, музыка концерта. В наибольшей степени это касается первой части концерта, в которой возникло ощущение, что виолончелист только разыгрывается. Не хватило внутренней энергии, искренности, с которой играет этот же концерт, к примеру, Наталия Гутман. Правда, пасторальную вторую часть Рудин сыграл гораздо интереснее, чем первую. Нежно, светло, хорошим густым, широким звуком. Оркестр, казалось, с удовольствием уступил инициативу солисту, отошел на второй план и аккомпанировал замечательно. Говорят, что хорошие официанты — это те, которых не замечаешь. Ты их не видишь, а все сделано. Похожее чувство возникло от аккомпанемента оркестра. Ненавязчивый, чувствительный, мгновенно реагирующий

на малейшие изменения темпа, настроения оркестр невозможно было узнать. Мало того, что играли чудесно. Даже по лицам музыкантов было видно, что они получают удовольствие от самого процесса работы с Норрингтоном. В полной мере это проявилось во втором отделении, в котором давали 3-ю Шотландскую симфонию Мендельсона. От начала до конца, в одном настроении, на одном дыхании. Интересной отличительной особенностью Норрингтона является любовь к быстрым частям. Как в Шумане, так и в Шотландской симфонии быстрые части звучали чуть свежее и заразительнее медленных. Да и сами темпы быстрых частей заслуживают отдельного внимания. Все у Норрингтона по-английски точно — если уж быстро, то это абсолютно, без всяких сомнений, definitely, быстро. Никаких оплошностей. Никаких случайностей. Все продумано. Мы слушаем Шумана. Мендельсона. Играем без вибрации. И пьем чай в пять часов. ■

сэр Норрингтон Роджер.

26.11.02